

Юноша по имени Бай Жэнь был бледен и утонченно красив. Он нес на руках Линь Чжао, который был заметно выше и крепче его телосложением, но двигался при этом так легко и непринужденно, словно держал охапку невесомого шелка.

Шаг его казался неторопливым, однако далекий город, маячивший на самом горизонте, приближался с каждым движением, словно в калейдоскопе сменяющихся картин. Прошло не больше пяти вдохов, а они уже стояли у подножия исполинской каменной черепахи.

Запрокинутая к небу голова божественного зверя вздымалась отвесной кручей почти на восемь тысяч метров над равниной. Один взгляд на эту колоссальную громаду перехватывал дыхание — казалось, каменный исполин вот-вот рухнет ниц, погребя под собой весь мир.

Линь Чжао, впрочем, уже взял себя в руки. Раз уж настоящая смерть ему не грозила, оставалось лишь наблюдать. Нужно же выяснить, что за чертовщина творится вокруг.

Напрягая зрение, он попытался рассмотреть детали. Короткую мощную шею каменного колосса покрывали резные борозды, напоминавшие облачные и громовые узоры на ритуальной бронзе — величественные, дышащие глубокой древностью. Трудно было даже вообразить, какой сокрушительной мощью обладал этот исполин, когда в его жилах еще текла жизнь.

Однако Бай Жэнь не спешил подниматься наверх. Склонив голову, он едва слышно прошептал слова заклęcia.

Тотчас прямо у их ног разверзлась узкая, шириной в человеческий рост, темная шахта. Черный зев, удивительно похожий на вход в древнюю усыпальницу, вел куда-то в непроглядную бездну.

«Значит, не наверх», — с легким разочарованием отметил про себя Линь Чжао.

Впрочем, очень скоро ему стало не до сожалений.

В подземном коридоре царил невыносимый, могильный холод.

Чем глубже они спускались, тем сильнее сжимались тиски ледяного мрака. Линь Чжао казалось, что кровь в его жилах вот-вот превратится в крошево льда.

Тело не повиновалось, губы онемели — он не мог издать ни звука. Линь Чжао мысленно скрежетал зубами от бессильной ярости, клянясь себе: как только он вернется к точке сохранения, лично прикончит этого ублюдка. Раз сто, не меньше.

Когда ему уже начало казаться, что он замерзает насмерть, впереди наконец забрезжил слабый свет.

Они ступили под своды колоссального подземного чертога. Его дальний предел тонул во тьме, а бескрайний купол высился так высоко, словно само небо поменялось местами с землей. Тусклые отсветы пламени едва выхватывали из темноты неровный рельеф потолка, напоминающий гигантский изгибающийся хребет... Хребет!

Догадка мгновенно осенила Линь Чжао: они были внутри исполинского зверя. Небосводом над ними служила внутренняя сторона черепашьего панциря.

Надо же, они устроили свое прибежище прямо в теле мертвого исполина!

Бай Жэнь увлек его к монументальному жертвеннику, возвышавшемуся над всем залом. Отсюда открывался вид на расстилавшийся внизу бугристый ландшафт из пепельно-серых скал и провалов. В низинах полыхали полтора десятка костров, чьи языки пламени стремились к самому панцирю-небосводу, вырывая из вечной тьмы эту жуткую, но неописуемо величественную картину.

Линь Чжао поймал себя на нелепой мысли: окажись это место на Земле, оно наверняка стало бы знаменитой достопримечательностью, куда толпами валили бы туристы. Вот только огни костров горели мертвенно-синим пламенем, похожим на горящий природный газ, и почти не давали тепла.

Наконец Бай Жэнь достиг края алтаря и прислонил Линь Чжао к вертикальной каменной колонне, зафиксировав руки тяжелыми цепями. Стянув с пленника грубые холщовые одежды, он бесцеремонно обнажил его худощавое, крепкое тело: узкую талию, подтянутую грудь и очерченные ключицы.

Вот теперь Линь Чжао по-настоящему встревожился. Почуввав неладное, он попытался вырваться, но от каменной плиты за спиной повеяло столь могильной стужей, что его мышцы окончательно одеревенели.

Вокруг алтаря беззвучно соткались десятки безмолвных фигур в темных балахонах. Их лица скрывали гротескные маски Но, изображавшие оскалы свирепых божеств и демонов. Словно ожившие тени, они выстроились идеальным полукругом, не издавая ни звука.

Бай Жэнь с кроткой улыбкой шагнул вперед. В его ладони тускло блеснула двухфутровая костяная игла. На бледном лице юноши застыло выражение благоговейного сострадания. Он мягко, почти ласково коснулся запястья пленника и резким движением вогнал острие в плоть. Артериальное давление заставило рану раскрыться — на каменные плиты хлынула алая струя, мгновенно заполняя резные узоры на полу.

Предыдущие испытания в симуляторе развили у Линь Чжао приличную стойкость к боли, но когда игла вошла в плоть, в голове вспыхнула лишь одна мысль:

«Сука, как же больно!»

Ощущение было такое, словно к ране прижали раскаленное клеймо. Если бы он мог двигаться, то от такой муки взлетел бы под самый купол панциря, даже не имея крыльев.

Однако Бай Жэнь не думал останавливаться. С тем же набожным, полным жалости лицом он методично повторил эту пытку, пронзая второе запястье, лодыжки, шею и, наконец, грудь. Когда последнее костяное острие вошло прямо в сердце пленника, палач ласково склонился к его уху и прошептал:

— Не бойся. Боль скоро уйдет.

Страх Линь Чжао не чувствовал — в нем klokотала бешеная ярость. Он уставился на мучителя широко распахнутыми глазами, всей душой желая разорвать эту тварь зубами на куски.

Оставив иглу в ране, Бай Жэнь отступил на шаг, преклонил колени перед столбом и затянул заунывную древнюю песнь. Поначалу пел он один, но постепенно к нему подключились остальные голоса, сливаясь в жуткий хор под аккомпанемент тоскливых вздохов глиняных флейт-сюнь и бамбуковых сяо.

«Вам только похоронной соны не хватает для полного счастья!» — ядовито подумал Линь Чжао.

Но пока культисты завывали свои псалмы, в воздухе вокруг алтаря начали сгущаться пугающие, гротескные фантомы. Перед его взором предстала колоссальная трехлапая птица багрово-золотого цвета. Ее остов был лишен плоти — лишь голые белые кости, оплетенные ядовитыми фиолетовыми лозами. Из пустых провалов черепа на мир безумно уставились две пары налитых кровью, сочащихся чистой ненавистью глаз.

Следом возникла уродливая фиолетовая черепаха, точь-в-точь похожая на ту, в чьем панцире они находились. Ее панцирь обвивала исполинская змея, а кожа обоих существ состояла из бесчисленного множества искаженных человеческих лиц, беззвучно разевающих рты.

Одного мимолетного взгляда на этих тварей хватило, чтобы глаза Линь Чжао пронзила невыносимая резь. Опасаясь ослепнуть, он зажмурился и опустил голову, глядя на ритуальные узоры под ногами, которые уже до краев заполнила его собственная кровь.

«Тут вытекло уже не меньше ведра, — мелькнула удивленная мысль. — А я не только не сдох, но и чувствую, что могу поделиться еще стольким же. Надо же, какая живучая скотина из меня получилась».

Однако очень скоро ощущение мнимого превосходства улетучилось.

Под заунывные напевы культистов кровь в желобах на полу начала темнеть, наливаясь тусклым, потусторонним фиолетовым свечением. Повинуясь воле ритуала, она поползла вверх

по узорам на каменной колонне. Словно скользкие змеи, багрово-фиолетовые струи обвили его лодыжки и устремились к открытым ранам, пытаясь проникнуть внутрь тела.

Спину Линь Чжао мгновенно прошиб ледяной пот. На подсознательном уровне он осознал: едва оскверненная кровь достигнет сердца, его душа будет безвозвратно стерта. Его «я» превратится в послушную марионетку, в топливо для возрождения иного существа. Он не умрет физически — его просто заменят кем-то другим.

Осознание этой жуткой перспективы заставило его действовать на пределе сил. На груди юноши ослепительно вспыхнул узор в виде пера. Мощная волна первобытного жара хлынула навстречу ледяной угрозе, ударив по костяному острию в сердце. На кончике иглы заплясали искры золотого пламени.

Заметив это сопротивление, Бай Жэнь лишь укоризненно вздохнул. Он протянул руку и кончиками пальцев коснулся костяного острия, мгновенно сбивая пламя. В его взгляде читался немой упрек: «Зачем же ты отвергаешь мое благодеяние?»

Линь Чжао ответил ему взглядом, полным неприкрытой ненависти. Он бросил силу одного из перьев на то, чтобы расшатать костяную иглу, а второе, еще не до конца материализовавшееся, незаметно направил к самому сердцу, пытаясь растопить сковавший грудь лед. Ему нужно было лишь одно — сжечь собственное сердце дотла, чтобы запустить перерождение. Но для этого требовалось выиграть время.

И пока Линь Чжао лихорадочно пытался ускорить процесс, понимая, что промедление смерти подобно, заунывный хор над алтарем резко смолк.

Даже пульсирующая фиолетовая жижа, уже готовая хлынуть в его раны, внезапно застыла на полпути.

Вскинув голову, Линь Чжао сквозь пелену боли увидел, что в хороводе безумных призраков появился незванный гость.

Прямо посреди потусторонних теней безмолвно парила до боли знакомая, уродливая маска демона. Из ее клыкастой пасти безжизненно свисали ноги одного из культистов. Поняв, что его раскрыли, призрак невозмутимо, с видимым удовольствием сглотнул добычу целиком.

Линь Чжао окинул взглядом площадку и обомлел: от огромной толпы служителей культа осталось от силы человек десять. Очевидно, этот прожорливый дух уже какое-то время пировал здесь втихаря и вполне мог доесть остальных, если бы его не заметили.

Продолжая лихорадочно копить жар в груди, Линь Чжао невольно ощутил глухое раздражение.

«Классический трюк с иволгой и богомолем! Пока меня тут пускают на мясо, кто-то решил

устроить себе бесплатный банкет?»

Бай Жэнь неуловимым движением повел пальцами, заставляя тени за своей спиной вздыбиться грозным валом.

— Кто из достопочтенных Небесных шаманов соизволил осквернить своим присутствием нашу обитель? — негромко спросил он.

В то же мгновение парящая маска демона скользнула на тыльную сторону ладони незнакомца. Перед алтарем предстал невероятно красивый юноша. Его чело венчал лаконичный терновый венец из лазурных ветвей, шею украшало тяжелое четырехслойное ожерелье, а подол его темного одеяния топорщился иссиня-черными вороньими перьями.

— Мне ведомы имена всех тридцати девяти Небесных шаманов нашей страны, — мягко улыбнулся Бай Жэнь. — И ни один из них не призывает тотем в виде маски демона. Раз уж вы сумели пробиться в наше святилище, к чему эти прятки?

— Я и не думал скрываться, — со всей серьезностью отозвался незванный гость. — Просто мой врожденный тотем слишком приметен для подобных прогулок.

На этот раз Бай Жэнь рассмеялся вслух, однако уже в следующий миг его лицо исказила ледяная гримаса.

— Что ж, раз так, я с радостью принесу и тебя, и твоего призрака в жертву великому Истоку!

Все пространство вокруг алтаря содрогнулось от мощного подземного толчка. Из бурлящего марева фантомов медленно высунулась циклопическая голова чудовища — получерепахи, полузмеи. Ее призрачный облик стремительно наливался тяжелой плотью. Тварь была настолько огромной, что казалось, будто древний каменный исполин, в чьем чреве они находились, вновь обрел жизнь и разум.

Красивый незнакомец лишь сокрушенно покачал головой. Скользнув взглядом по прикованному к столбу Линь Чжао, он подарил ему теплый, успокаивающий взгляд.

Затем он скрестил ладони на груди и низко склонился вперед. Ткань на его спине разошлась, обнажая безупречную кожу, на которой мгновенно вспыхнул и запульсировал ярким изумрудным светом сложнейший тотем.

Перед мысленным взором Линь Чжао возник образ великого божественного дерева Цзяньму — исполинского столпа, соединяющего небеса с землей и укрывающего весь мир своей необъятной кроной.

В то же мгновение содрогнулись сами основы этого мира.

На каменных стенах, ритуальных плитах, бесплотных призраках и телах присутствующих закипела безумная, неудержимая жизнь. Повсюду пробивались сочные изумрудные побеги, на глазах выпуская нежные листья.

Линь Чжао изумленно уставился на собственную грудь: прямо на стыке плоти и костяного острия проклюнулся крошечный зеленый стебелек. Мягко, но непреклонно он вытолкнул иглу из сердца наружу, после чего бережно укутал рану зеленым ковром, полностью исцеляя смертельное повреждение.

Однако эта сила, даровавшая Линь Чжао спасение, для его врагов оказалась смертоносным проклятием.

Уцелевшие служители культа рухнули на колени. В считанные мгновения их тела истлели, обратившись в прах, и на каменный пол опали пустые, безжизненные балахоны. Прямо из груд темной ткани упрямо потянулись вверх тонкие веточки молодых деревьев. От такого зрелища Линь Чжао онемел от изумления — люди просто испарились, превратившись в побеги!

Лицо Бай Жэня сделалось мертвенно-серым от ярости. Он сотворил бушующее фиолетовое пламя, отчаянно пытаясь выжечь пробивающиеся сквозь его собственную плоть побеги. Но вызванные им древние духи и фантомы на глазах блекли и таяли — великое древо безжалостно выпивало их суть, превращая в удобрение.

Слова Бай Жэня, сочащиеся ледяной ненавистью, едва протиснулись сквозь плотно сжатые зубы:

— Ты... не Небесный шаман. Ты Девятый божественный сын, Лазурный император Востока... Цзи Яогун!

<http://bllate.org/book/20648/2131670>